

Понятия не имею, как пишется эпопея как жанр, но события, связанные с приобретением и доставкой первого автобуса для училища, другим словом просто не назовёшь. Это я вам как непосредственный участник эпопеи говорю.

Тогда по порядку. Подходил к концу 1972 год. Декабрь-месяц, на всякий случай. Сессия в самом разгаре. Подходит ко мне мой однокурсник Валентин Ломунов и начинает со мной разговор, как будто у него фига в кармане:

– Ты ведь с Урала? Из Нижнего Тагила? У вас там недалеко посёлок Уралец есть?

– Ага, – говорю, – есть.

Хотя сам об этом посёлке впервые услышал. Не ожидал от себя, что дух авантюризма во мне так быстро откликнется, но уж очень родителей хотелось увидеть и дома лишний раз побывать.

– Так вот, – продолжает Валентин, – есть предложение перегнать автобус из этого Уральца в Горький.

– Так я водить не умею!

– Поедешь в качестве штурмана и как абориген тамошних мест. Ты ведь знаешь, как туда добраться, друзья есть, может, чем помогут.

Всё это было так, но и не совсем так: и друзья в Тагиле остались, и добраться туда я мог с закрытыми глазами, но вот про Уралец мне ничего не было известно. Но я кивнул.

– Пошли к Татьяне Васильевне, – сказал обработанный Валя.

Татьяна Васильевна коротко, но подробно обрисовала суть проблемы: как она не один год пробивала этот автобус, но что поделаешь, если у нас так устроено, что товар на прилавок попадает только в конце месяца, в конце квартала, в конце года; как ей неудобно просить нас об этом, но свои люди всё-таки надёжней, чем нанятая шоферня; как это ужасно, что всё это происходит в сессию, но зачёты нам поставят автоматом, а к экзаменам по мастерству актёра (4 января) она надеется нас видеть в первых рядах экзаменуемых. И в конце добавила, что уверена в благополучном исходе предприятия.

В бухгалтерии нам выдали по двойной стипендии, деньги на авиабилеты и талоны на бензин. У Валентина, как у опытного водителя, уже был готов план по доставке автобуса в порт приписки: 27-го декабря мы с утра вылетаем, добираемся до Тагила, тут же мчимся в Уралец и получаем автобус, 28-го выезжаем в Горький и к Новому году мы дома. План хорош и прост, как у Василия Ивановича Чапаева. Правда, существовала малюсенькая загвоздка: Вале надо было 27-го в ГАИ обменять временный талон, срок которого истекал именно в этот день, на действительные права. «Да это минутное дело! Я подъеду к открытию, сделаю дело и к одиннадцати утра мы будем в аэропорту на регистрации», – так он успокоил и себя, и меня.

Когда 27 декабря в 9.30 я подъехал за Валентином в ГАИ, он стоял в конце очереди, которую не вмещало здание Госавтоинспекции.

– Кто ж знал? – вместо «здрасьте» сказал Валя.

В 10.00 очередь не уменьшилась. В 10:15 стали принимать решение: сдавать авиабилеты и заниматься правами или плюнуть на всё и ехать как есть.

– Летим, – сказал Валя и даже не поперхнулся.

В воздухе запахло афёрой.

В аэропорт мы подскочили вовремя, как раз на реплику из громкоговорителя, известившего пассажиров, что наш рейс откладывается на два часа. Месть бездушному голосу была сладкой – весь матерный словарный запас. Нам бы прислушаться к этому гласу судьбы, сдать билеты и ехать в ГАИ, но мы остались ждать.

Где-то в третьем часу, занимая места в Ту-134, до нас дошло, что сегодня никакого автобуса мы не получим, и на этом успокоились. А зря. Самолёт как всегда красиво взлетел. Дядька на сиденье впереди нас мгновенно уснул, я ему позавидовал. Через проход мальчик безжалостно третировал свою маму. Я сидел у иллюминатора прямо рядом с двигателем и тихо радовался, что два вечера могу побыть дома с родителями. Примерно минут через пятнадцать в салоне вдруг изменился шумовой режим. Я подумал – или у меня ухо заложило, или... И тут же лайнер рухнул в боковое пикирование как раз на мою сторону. Валя, навалившись на меня сверху, стал много и часто-часто что-то говорить. Потом я оказался над ним и поймал себя на мысли, что что-то ему говорю и очень громко. В салоне начали кричать. Самолёт летел, кренясь то на левый борт, то на правый. Пассажиры активно вспоминали детство. И только дядька впереди мирно храпел, а мальш через проход радовался, что мы на кацелях. Вышла стюардесса, в глазах ужас, на подносе конфетки, которые ссыпались на пол. Девушку никто не слышал и не слушал, не приведи господи ещё раз испытать такую безнадегу.

Но мы приземлились... в аэропорту города Горького. Дай Бог здоровья первому пилоту. Дядька с переднего сиденья очень ругался, мол, почему мы никуда не улетели, а мальчик расстроился, почему так быстро закончился аттракцион. Остальные покидали самолёт в гробовом молчании.

Через пару часов объявили, что наш рейс откладывается на 9.00 следующего дня, желающие могут разместиться в гостинице аэропорта. Мы поступили иначе – взяли литр водки и поехали к Вале домой отмечать второй наш с ним день рождения.

28 декабря прошло на удивление скучно, если не считать того, что блзорукий Валя забыл дома очки. Шикарная команда подобралась – штурман-авантюрист да безглазый и бесправый водитель. Долетели до Свердловска, ежесекундно прислушиваясь к работе двигателей, потом электричкой до Тагила и поздно вечером были у моих родителей. Слегка пообнимались, немного поговорили, выяснили всё про Уралец и измотанные рухнули спать.

На следующий день, 29 декабря(!), спозаранку рванули в Уралец. Завод по производству одноимённых с посёлком автобусов скорее напоминал механическую мастерскую. Два серых корпуса-барака и огромный двор с разбросанной по разным углам техникой и запчастями. И, конечно же, очередь.

Стоит отметить, что 29 декабря было пятницей, последним рабочим днём года, и все уповали на короткий трудовой день. Предпраздничное настроение усугубляло нервозность. Конторские были уже «принявшие» и на нас смотрели, как на инфекционную заразу. Но их беда заключалась в том, что им необходимо было избавиться от продукции, выпущенной в 1972 году.

С наступлением темноты, после оформления всех документов, нам показали наш автобус. Для них последний, для нас – первый. Парадокс, каламбур, казус! Это оказался фанерный ящик на колёсах с сиденьями. От кузова пахло краской, значит – новый. Мы гладили его, обстукивали, прыгали на сиденьях – в общем, дети, получившие новую игрушку. Тут прибежал вохровец, облаял нас, что, мол, рабочий день кончился, давайте выметайтесь, вручил нам ведро, чтобы можно было заправиться из цистерны. Автобус завёлся с первого раза, что вызвало восторг у Валентина, и мы выехали с освещённого двора в темноту поселкового просёлка.

И тут Валя обнаружил, что у нас не функционируют фары. Остановились и давай осматривать машину по-взрослому. Оказалось, что с проводкой беда: панель и салон не освещаются, работают только подфарники, для исправления дефекта необходим специалист. Гайки на дисках доворачивали рукой, масляный фильтр вообще держался на одном витке резьбы, и много ещё чего другого. В общем, что смогли, докрутили-довинтили сами и на подфарниках пилили (другого слова не подберёшь) 35 километров до Тагила.

Вечером того же дня я отправился к другу детства поплакаться о своих проблемах. А там сюрприз, о котором я и знать не знал: завтра у него свадьба, и раз такой случай, я просто обязан быть его свидетелем. Я стал отнекиваться, мол, надо посетить ГАИ, надо найти механика, чтоб привести в божеский вид автобус, надо...

– Иди спать, завтра всё будет, – перебил он меня. Ну, прямо, как Царевна-Лягушка.

Следующий день. 30 декабря на минуточку. В 8.00 звонок в дверь. На пороге милая девушка:

– Я от вашего друга. Я из ГАИ. Ваши документы и паспорт.

Сонный Валя вроде бы засобирался её сопровождать.

– Не надо, – сказала она и исчезла.

Через час, когда мы завтракали, в прихожей стояли двое немногословных молодых человека:

– Мы от вашего друга. Мы автослесари. Где автобус?

Валя пошёл показывать транспорт. А я повязал галстук и поехал на бракосочетание. Всё прошло замечательно, и, когда я, улучив полчасика, заглянул домой проведать Валю, он был в состоянии лёгкой растерянности. «Этого не может быть, – повторял он. – Этого не может быть!»

Оказывается, за это время милая девушка принесла все проездные документы и даже транзитные номера и, обворожительно улыбнувшись, отказалась от вознаграждения. Угрюмые слесари провели техосмотр и устранили всё, что можно было устранить, дозаправили баки и скромно

удалились. От денег уклонились. «Если бы подобное случилось в Горьком, на все эти процедуры ушло бы минимум два дня и куча денег, а тут пять часов и совершенно бесплатно! «Это что ж за люди живут на Урале!» – сетовал Валя. На радостях он выложил головокружительный план: если мы сегодня выедем часов в восемь вечера, то запросто к бою курантов будем сидеть за праздничным столом в Горьком.

Мой папа насильно запихнул нам в салон двуручную пилу, топор, ведро, трос и длинную цепь. «Цепь-то зачем?» – вопил я. – «Мало ли...» – папа пожал плечами и посоветовал купить атлас автомобильных дорог. Поиронизировав над папиной шепетильностью, я пошёл на свадьбу, а Валентин улёгся отсыпаться впрок. Конечно, кое-кто может мне попенять, вот бросил напарника, делового партнёра, променял его на праздничное застолье. Но на свадьбу я не мог не пойти, тем более именно там я разжился полезной информацией. Например, нам посоветовали не ехать северной дорогой через Кушву, там дороги практически нет, лучше двигаться на юг через Свердловск на Пермь, дорога длиннее, но надёжней. Штурман делал своё дело!

Ровно в 20.00 Валентин подогнал автобус к столовой. Проводить нас вышли всей свадьбой. Надавали на дорогу столько еды, что хватило бы до Владивостока. Мы побибикали на прощанье и стартовали. Настроение было благостное и азартное.

30 декабря 1972 года. Н. Тагил.
Толя Фирстов, Валя Ломунов и «Уралец»

нав, сугробов. Мы так и говорили при появлении какого-нибудь тяглового средства: «Вон трёшница едет». Но главное, что наш спаситель нам поведал, – мы свернули не в том месте, нужный поворот на километр, примерно, подальше. Вот так мы потеряли целых пять часов.

Рассвет мы встретили уже за Свердловском. Вместе с утром пришла и метель, пока слабая, но с каждым часом всё более усиливающаяся. Раз в четыре мы оказывались на обочине шоссе, но рано или поздно появлялся наш друг – трактор «Беларусь» – и мы следовали дальше. «Трёшницы» разлетались, как птенцы из гнезда. Да это как раз и Бог с ним – самое ужасное, таяло время. И Новый год в Горьком превращался в иллюзию.

Первую ошибку штурман совершил через 50 километров. За Невьянском нас впервые занесло так, что задние колёса оказались в глубоком кювете. Сколько Валя ни гадовал, машина оставалась на месте. Осознав тщетность усилий, решили ждать какую-нибудь машину, чтобы она нас вытащила. Час проходит – ничего, два проходит – никого. К концу четвёртого часа нашего дрейфа Валя засомневался – по трассе ли мы ехали? Около двух часов ночи забрезжили чьи-то фары. Подъехала ассенизаторская машина. Валя воспринял это явление как злую насмешку судьбы. Тем не менее, эта оскорбляющая наши чувства техника после многократных попыток всё-таки вытянула наш автобус из кювета. Так мы открыли счёт «трёшницам», которые впоследствии платили за вызволение автобуса из ям, канав,

В середине дня на пути появился первый голосующий. Ну, чего не порадеть человеку, не бросать же его на таком сквозняке. В каком-то населённом пункте он вышел, оставив на капоте полтинник. Мы с Валей переглянулись и сообразили, что нам в руки плывёт большой бизнес. Тут же со слезами на глазах напросилось целое семейство. Дальше – больше. Все спешили в уютно-праздничные компании, а рейсовые автобусы, видимо, уже стояли в тёплых гаражах. Так что мы в некотором роде были их спасителями. Я до сих пор помню сумму, которую мы накаледовали в тот день – 21 рубль 45 копеек. Сумасшедшие деньги!

А перед самой Пермью сел загадочный пассажир. Он долго и подробно чего-то расспрашивал, а потом сделал предложение: давайте-ка ребята, я не буду вам платить за проезд, а устрою ваш автобус у себя на автобазе, там он будет под охраной в тёплом боксе и подальше от глаз гаишников. Мы с радостью согласились. Пристроили наш «Уралец», взяли такси (имеем право!) и поехали в гостиницу «Урал». В каждом уважающем себя городе того региона есть гостиница «Урал». К нашему восторгу, гостиница оказалась почти пустой, нам даже предложили выбор: «Вам с видом на площадь или во двор?»

В номере в комплекте с кроватями, тумбочками, торшерами и ковром оказался телефон, и Валя вдруг вспомнил, что мы ещё ни разу не выходили на связь с Татьяной Васильевной. В общем, получили мы по полной: и что мы паршивцы, и что так взрослые люди не поступают, и что она сто раз пожалела, отправив нас в командировку, и что прикажете думать – может, вас убили, ограбили, продали в рабство, и, ради Бога, будьте осторожней – так наезжает доведённая до отчаяния мать на любимого ребёнка. А эти оболтусы, покорно покивав в трубку, побежали за шампанским. До Нового года оставалось полтора часа. В единственном дежурном магазине его, естественно, не оказалось. Но нечестно заработанные барыши позволили нам отовариться у нечестно торгующих таксистов. Господи, тёплый номер, горячий душ, холодное шампанское плюс остатки свадебных яств – не предел ли это мечтаний неприкаянных пилигримов! Из двух бутылок мы смогли осилить лишь одну и ухнули в бездну беспробудного сна.

Встали рано, видимо, чувство ответственности задавило тягу к гедонизму. Не вставая с постели, Валя поставил ультиматум: сегодня надо быть в Горьком. Опохмелились кефиром и вышли на улицу. За ночь метель плавно перешла в буран. Снежные массы носились по широким улицам Перми, а ветер сдувал шапки с голов. Мужики с базы, где ночевал наш автобус, обозвали нас придурками, если мы собираемся ехать в такую погоду. Но уж очень хотелось сдать экзамен по мастерству, так что двинулись дальше.

За городом вдруг оказались лесостепи вместо тайги, и в открытом поле ветер задувал так, что нас постоянно сносило на обочину, а пару раз разворачивало на 180 градусов. Видимость была не более 30 метров, и мы только по горящим фарам догадывались, что впереди встречный транспорт. Я думал, что такая погода бывает только в кино, когда подобное ненастье усиливают ветродуями. В каком-то селении со столовой мы решили отобедать и заодно заправить автобус. С первым мероприятием проблем не случилось, а вот второе наше желание на АЗС затоптали на корню. Это был удар! Сюрприз заключался в том, что талоны на бензин у нас датировались 1972 годом, а на дворе резвился уже 1973-й. Топливо отпускалось только по бумажкам ныне действующего года, и выдавались они на предприятиях-владельцах означенного транспорта. Заправить за наличные – ни-ни, нарушение закона! Пришлось разыграть этюд «Обаятельные парни вешают лапшу на уши неприступной королеве бензоколонки». И десять литров нам всё-таки отслаунили. Таких этюдов в разных обстоятельствах и с невероятными приспособлениями мы с Валей отыграли ещё с десяток, аж до самого до Горького.

Господи, сколько времени мы теряли в ожидании сильного транспортного средства и на разговоры с работниками АЗС продать нам бензин – кошмар какой-то! Если бы перегоняли летом, всё выглядело бы значительно проще. Итак, на свежем бензине и адреналине мы дотянули до посёлка с названием Игра. Валя демонически пропел: «Что наша жизнь.... Вот здесь и заночуем». Заканчивалось первое января. За этот день, прорываясь сквозь природное безобразие, мы преодолели всего 230 километров. Планы на дату возвращения уже не обсуждали. Нашли Дом крестьянина, слили воду из радиатора, придушили нервы бутылкой шампанского, что осталась после Перми, и отправились в гости к Морфею.

На следующее утро кто-то ластиком стёр и снегопад, и ветер, оставив низкую неприветливую облачность. Надежда вроде опять вспыхнула, но, чтобы не сглазить, ею никто не поделился. Отъехали слегка злыми, а через несколько часов превратились в монстров злости. Подарочек, который нам приготовила дорога, был испытанием на прочность. Буран утомился, осадки прекратились, а вот поперечные снежные наносы встретили нас девственной неприкосновенностью, потому что не было больше идиотов, желающих штурмовать эти бастионы. Какие-то наносы преодолевались с первого штурма, какие-то с разгона, застревая на середине, какие-то, как Тяни-толкай: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, а в иных случаях сидели подолгу, ожидая трактор «Беларусь». Хорошо, что сигаретами запаслись надолго.

Самое противное, что в такой ситуации, подъезжая к развилке, невозможно определить, где основная дорога, где её приток. Сворачивали по интуиции. К концу дня (2 января) штурман скомандовал направо, потому что дорога была более наезженной и чистой, чем налево. Логично ведь. Нас даже не насторожило, что дорога была поуже, чем трасса. И вот на повороте нас резко сносит в сугроб встречной полосы. Вылезли, осмотрелись. Положение аховое, но в поздний вечер на помощь надеяться – полная глупость. Валя сел за руль и дал задний ход. Автобус выскочил сразу, а Валя, не ожидая такой милости от природы, не успел затормозить и въехал в противоположный сугроб. И сколько Валя ни пытался выбраться из снежной кучи, автобус только сильнее накатывал ледяную корку под колёсами.

Вот тут стало по-настоящему страшно, просто страшно без метафор, сравнений и ассоциаций. Бензин почти на нуле, температура окружающей среды около минус двадцати, и где мы – непонятно никому. Валя только повторял: «Спокойно. Спокойно. Спокойно». Планов на спасение было не густо: пешим ходом возвращаться назад к развилке и ждать желающих нас вытащить или идти вперёд с аналогичной целью. Вовремя вспомнили о волках, не пошли. И вдруг (то ли мозги охладелись, то ли паника зашла в тупик) Валя обратил внимание, что через дорогу прямо на обочине торчит одна единственная (!) на всю поляну берёзка без веток и толщиной с руку. Валя нырнул в салон и вышел с цепью. «Последний шанс», – сказал Валя и стал обвязывать один конец цепи вокруг оси заднего колеса, а я другой – вокруг берёзки. Хватило впритык. Валя сел за руль и долго не мог решиться двинуться с места. Я не умею молиться, но всё равно кого-то заклинал, чтобы у нас получилось, умолял Валю мягче выжимать сцепление и нежнее жать на газ. Валя велел заткнуться... и у нас ПОЛУЧИЛОСЬ! Папина цепочка нас вытянула. Валя пообещал, что обязательно поставит свечу во здравие Петра Ивановича, если мы вернёмся в Горький.

Поехали дальше и буквально через пятнадцать минут упёрлись в лесосеку. Теперь стало понятно, почему дорога сюда была укатанной и чистой – тяжёлые лесовозы снега не боятся. Аккуратно развернулись, вкрадчиво поехали назад к злополучной развилке. А там опять снежные буруны. Было видно, как Валя устал. Бензина хватило ещё на полчаса, но и тут наш ангел-хранитель не оставил нас: примерно в километре от нас тусклыми огоньками определилась какая-то деревня. Слили воду и,

наплевав на долг и материальные ценности, мы через поле побрели к мерцающему свету. Очень хотелось есть, спать и жить. Как ни странно, в первом же доме нас пустили на ночлег. Добрые люди накормили нас и с извинениями уложили на полу.

Проснулся я от того, что по мне топталась курица, а Валя уже всюду допрашивал гостеприимного хозяина, который оказался работником ремонтной станции в этой деревне. В общем, нас отбуксировали на станцию, осмотрели и даже расчистили путь до более или менее свободного пространства. Заодно посоветовали ехать на Киров, потому что прежний наш маршрут никуда не годился из-за убитости дорог.

Поехали, следуя совету. И действительно, через некоторое время и наносы прекратились, и небо распогодилось. Над нами пронзительная синева, по сторонам белейший снег и берендеевский лес, прямо хоть «Морозко» снимай.

Ехали и взахлёб обсуждали, какие ж нам славные люди попадают! Интересно, смогли бы мы вот так же: приютить, напоить, накормить, обласкать, помочь и благословить?.. А в училище, конечно же, всюду репетируют, а нам уже ничего не светит. Завтра 4-е, экзамен. И сколько же отрывков не увидят свет по нашей милости? А может, всё-таки успеем? Валя только зыркнул на меня: «Не отвлекайся и знаки не пропускай». – «Правый поворот. Левый поворот. Ограничение скорости. Крутой спуск». Помимо штурманских и административно-хозяйственных хлопот в мои обязанности входило чтение дорожных знаков, ведь Валя очки свои оставил дома. «Сужение дороги. Дикие животные. Кирпич...» И – опа! – чуть не въехали в настоящий «кирпич» в виде огромной ели, развалившейся поперёк дороги.

Что это? Засада? Ограбление поезда по-американски? Целый час мы не решались выйти из автобуса, постоянно озирались по сторонам в ожидании, что вот-вот из леса выскочат страшные бородатые разбойники с кольями и топорами наперевес. Но всё вокруг было тихо, спокойно, сказочно. Прихватив топор и двуручную пилу (папа, какой же ты молодец!), пошли к ёлке. Ствол оказался такой толстый, а веток так много, что с нашим шанцевым инструментом работы как раз на два дня. Что за невезуха! День чудесный, дорога чистая – гони да гони. За что нам такие испытания? От нечего делать мы с Валею стали считать свои грехи. А тут и трактор «Беларусь» с другой стороны подошёл. Долго он с лесной красавицей боролся, но всё-таки отбуксировал её на обочину, все довольные покатали каждый в свою сторону.

К вечеру дорога стала ещё лучше. Видимо, её недавно отремонтировали. Ровная, широкая, скоростная, усыпляющая инстинкт самосохранения. Как же мы кричали, когда на гололёде нас развернуло поперёк дороги и таким макаром понесло вдоль трассы прямо в левый кювет. Слава Богу, не было встречных машин. И в этом случае ангел-хранитель сыпанул на обочину снежку, колёса за него зацепились, и автобус выровнялся. Впервые я наорал на Валею:

– Будем ехать 30 километров в час! Торопиться некуда!

Чем ближе к Горькому, тем натянутее становились нервы. Поехали тише. Не помогло.

На одном из виражей нас всё-таки снесло с насыпи, да так, что три из четырёх колёс застыли в воздухе. Стоя над этой инсталляцией, мы долго философствовали на тему: «Что есть удача?» Долго рассуждали, пока не прикатила «трёшница» в образе КраЗа. Водитель лесовоза присоединился к нашему диспуту, предположив, что мы родились в рубашке. Потом, когда он нас вытащил из сугроба, удивился во второй раз: на автобусе не было не только вмятин, но и ни единой царапины! Вот такой у нас в России мягкий снежок.

На черепашьей скорости мы достигли городка с названием Кикнур, который запомнился нам отсутствием номеров в единственной гостинице. Ау! Ангел-хранитель, ты где? Видимо, у нас был такой плачевный

вид, что строгая администраторша предложила раскладушки в подсобке. Мы провели небольшой субботник, расчистили место и мгновенно успокоились рядом со швабрами, вёдрами и тряпками.

На следующий день солнце опять радовало. После пересечения границы Горьковской и Кировской областей стали появляться посты ГАИ. Надо было передвигаться не очень быстро и не очень медленно, чтобы не вызвать подозрений у блюстителей дорожного порядка. Валя постоянно молился. Интересно, что было бы, если бы у Вали попросили права? Но такого не случилось. Ангел был на стороне нарушителей. К шести часам вечера мы пересекли Волжский мост, купили водки и из телефона-автомата доложили Татьяне Васильевне о прибытии. Оказалось, что на данный момент наш «Уралец» – и бесхозный, и бездомный, и куда его пристраивать – наша забота. Ну и ладно, поехали на квартиру, где однокурсники отмечали сдачу экзамена. И здесь мы с Валеёй окунулись в атмосферу модного тогда кинематографического приёма, когда посреди всеобщего ликования звук вдруг выключается, а герой смотрит на всех отстранённо, типа переосмысливает своё предназначение.

Нас обнимали, целовали, поздравляли, тискали, превозносили, восхищались, но... Честное слово, щёлкнул какой-то тумблер – это не наш праздник. Почти равнодушно приняли к сведению, что нам за заслуги в течение семестра поставили четвёрки. Сославшись на то, что надо ещё где-то пристраивать автобус, поехали к Вале. Валина жена, Люся, наметала на стол всё, что было, и мы... сами понимаете, не без этого, ОТОРВАЛИСЬ! Пили за Новый год, за удачу, за везение, за людей, что встретились на нашем пути и, конечно же, за ангела хранителя. Люся, слушая наши байки, постепенно менялась в лице, а уходя спать, обозвала нас недоделанными героями. Вот так приходит слава.

Эпопея закончилась на следующий день, резко перейдя в учебные будни – сессия продолжалась до 12 января. Наш «Уралец» прослужил долго и верно, исколесив со студентами всю область и полстраны. Сколько это было по времени, я не помню. Зато знаю: на смену ему пришёл автобус «Кубань», но это уже было чьих-то других рук дело.

P.S. Печально, что этот опус пришлось писать мне одному – Валентина Ломунова, к сожалению, уже нет среди нас. Мне так не хватало его помощи, его плеча, которое он не один раз подставлял мне во время нашей эпопеи.

2018 год. Февраль